

192,0108
(976,1)
Мендес Сэм
(роне)

Сэм МЕНДЕС:

«Мой долг перед солдатами — рассказать правду»

Сьюзен ХОУАРД

Профессия — режиссер

Пришедший в кино из театра англичанин Сэм Мендес снял три фильма: увенчанную многочисленными «Оскарами» «Красоту по-американски», гангстерскую ленту «Проклятый путь» и новую военную драму «Морпехи» по одноименной документальной книге Энтони Суоффолда.

Летом 1990 года 20-летний морской пехотинец Суоффолд вместе с товарищами был отправлен в пустыню Саудовской Аравии, чтобы сразиться в Персидском заливе. В 2003 году он выпустил книгу мемуаров, ставшую бестселлером. В «Морпехах» Суоффолд рассказал совсем не ту историю войны в Персидском заливе, которую американцы знают по телевизионным передачам. Перед зрителями развернулась история парней, неожиданно оказавшихся вдали от дома, в чужой стране, посреди песков и горящих нефтяных скважин, в ожидании войны, которая никак не начиналась...

Экранизация Сэма Мендеса — о судьбе солдата в третьем поколении и о беспощадной военной машине. Вместо подтянутых крутых парней мы видим юных раздолбаев, питающих страсть к рок-музыке, порнографии и кровопролитию. Ожидание войны превращается в бардак: солдаты не уважают никого — ни своих офицеров, ни людей, которых должны спасать.

— Почему вы решили экранизировать книгу Суоффолда?

— Меня привлекла идея исследовать, что происходит с людьми, которых натренировали убивать, подготовили к войне, а потом отобрали у них возможность воевать. Центральной темой фильма становится ожидание. Что происходит с людьми, ждущих начала боевых действий? Они создают собственные войны — будь то драка скорпионов или футбольный матч в противогазах. Обычно в военных книгах и фильмах описывается, как люди ведут себя во время военных действий. Но здесь военных действий нет. Есть только парни, выученные убивать. Когда я впервые прочитал книгу, меня привлек ракурс: война, увиденная глазами человека, который еще не открыл себя и не знает, кто он, и на что способен. Меня поразили этот коктейль бравады, юмора, сюрреализма и ироничной наблюдательности. Все гражданские увидели войну в Персидском заливе одинаково — маленькие бомбочки, падающие на маленькие кукольные домики, пол-

ное отсутствие человеческого элемента. А каждый морпех пережил свою личную войну, и мне захотелось снять фильм об этом харизматичном парне и о том, как изменил его опыт, приобретенный на Ближнем Востоке.

— Джейк Джилленхулл, играющий Тони, рассказывает, что после пробыв не звонили ему несколько месяцев, встречались с другими актерами, пока он не позвонил вам и не оставил на автоответчике отчаянное послание: «Я сделаю все, что вы прикажете, но я должен сниматься в вашем фильме!»

— Возможно, я сейчас спровоцирую поток звонков от отчаявшихся актеров... (Смех). Но для режиссера это действительно очень много значит — сознание того, что актер готов идти на любые жертвы ради роли, что он будет стараться и лезть из кожи вон. Звонок Джейка подтвердил мое предположение, что работать с ним будет легко и приятно. Да, ему пришлось ждать четыре месяца, прежде чем я дал ему эту роль, но я не нарочно заставил его ждать. Просто я не был уверен, что он сможет сыграть морского пехотинца. Мы привыкли видеть Джейка в ролях милых, чувствительных молодых людей. Но он действительно накачался, натренировался, стал настоящим пехотинцем. И при этом в герое сохранилась невинность. И злость. И множество других эмоций. Раньше я не думал, что Джейк способен на такой широкий эмоциональный диапазон.

— Ваш предыдущий

фильм «Проклятый путь» был изысканно стилизован под классический «черный» фильм 30-х годов. В «Морпехах» вы отказались от каких бы то ни было стилизаций — порой фильм напоминает любительское кино.

— Я выбросил на помойку все, что нарабатывал на «Красоте по-американски» и «Проклятом пути». Я не делал раскадровок, не готовил заранее мизансцены, я просто приходил на место съемок и решал, как мы будем снимать. Я хотел, чтобы фильм сложился органично. В «Проклятом пути» я был так сильно озабочен стилем, что не позволял актерам самовыражаться, если они при этом отклонялись от композиции, начерченной в раскадровках. Я верю, что режиссер должен подстраивать стиль под материал. Мы намеренно перенасыщали кадр цветом, увеличивали экспозицию при проявке пленки, и сцены в конце производят впечатление старого научно-фантастического фильма. Но что касается поведения актеров в кадре — я дал им полную творческую свободу.

— Актеры рассказывали, что часть снятых вами сцен не вошла в окончательный монтажный вариант — в том числе некоторые сцены, которые они считают «замечательными».

— В сценарии ожидание военных действий продолжается дольше. Многих сцен пришлось изъять, — это были сцены в середине фильма, сильно замедляющие ход сюжета. Солдаты, подсматривающие в окна штаба через оптические прицелы снайперских винтовок.

Солдаты, смотрящие программы MTV через прицелы снайперских винтовок. Там действительно были потрясающие кадры, но я не мог заставлять зрителя ждать так долго. Что-то должно происходить. И когда начинает происходить, все оказывается не так, как ожидают зрители.

— Вас не смущало то, что вы снимаете фильм о войне, но никогда не принимали участия в военных действиях?

— А еще я никогда не был американским гангстером, но снял «Проклятый путь»! (Смех). Конечно, в американском кино есть люди, которые сражались на фронте и имеют настоящий боевой опыт. Отчасти это помогает во время съемок, отчасти — мешает. Отсутствие боевого опыта, как ни странно, тоже кое в чем помогает — например, у меня нет предвзятых мнений, я могу взглянуть на события отстраненно, сохранить объективность. Но есть и негативные стороны. Порой я чувствовал, что говорю с моими военными консультантами на разных языках.

— У вас было много военных консультантов?

— Я считал, что мой долг перед солдатами, сражавшимися в Персидском заливе, — рассказать правду. Сколько еще фильмов об этой войне появится на экране? Мне казалось очень важным сохранить историческую достоверность. Но у меня не было представления о том, как на самом деле разворачивалась операция «Буря в пустыне», поэтому я пригласил людей, сражавшихся на этой войне. Многие из них были военными консультан-

тами на других фильмах — таких, как «Говорящие с ветром» или «Последний самурай». Но все эти парни впервые работали военными консультантами на фильме, рассказывающем о войне, на которой сражались они сами! Их помощь была неоценима. Они рассказывали о мельчайших деталях — вплоть до того, как застилались койки в солдатских казармах.

— В нынешнем сезоне наблюдается всплеск интереса к политическому кино, и «Морпехи» стали одним из фильмов, затрагивающих злободневные проблемы современного общества.

— При сегодняшнем политическом климате Голливуд не мог не заинтересоваться политикой. Такие фильмы, как «Сириана» и «Мюнхен», «Преданный садовник» и «Спокойной ночи и удачи» — реакция кинообщества на положение в мире. Но я бы не стал зачислять «Морпехов» в политическое кино. Если фильм вызывает споры, это еще не значит, что он политический. Людей интересует, что на самом деле происходит на Ближнем Востоке, и кино более внимательно вглядывается в эту точку земного шара. Но я снимал фильм не о географическом регионе, а о людях. Мне хочется верить, что зрители заинтересуются не политической ситуацией, а судьбой героев. Конечно, в каждом фильме должно быть послание, но если бы я хотел говорить о политике, я бы, наверное, писал статьи в газеты. Я старался снять фильм, который бы никого не осуждал. Фильм, где ощущалось бы уважение к морской пехоте. Удалось ли это — судить зрителям.

— Считаете ли вы сами, что сняли антивоенный фильм?

— Кто-то называет его антивоенным, но мне кажется, все зависит, с какой стороны смотреть. Я снимал гимн во славу стойкости и выносливости морских пехотинцев перед лицом неизвестности. Ирония в том, что «хороший антивоенный фильм» — идея, заранее обреченная на неудачу. Зритель должен сопереживать героям. Героям-солдатам. Значит, на экране должны быть солдаты, за которых зритель будет переживать. И то, что либералу покажется антивоенным заявлением, кому-то может показаться пропагандой войны. Кстати, этот парадокс — одна из важных тем в книге Суоффолда.

— Каковы ваши планы на будущее?

— Я снял свою «американскую трилогию»: мыльную оперу из жизни пригородов, гангстерский боевик и военную драму. Думаю, мой следующий проект будет менее американизированным.